

Мы те, кто разбудит рассвет: пятьдесят второе письмо (2019)

Айше Гош, студенческий лидер, Дели, декабрь 2019.
Vyshakh T (People's Dispatch) / Высах Т (People's Dispatch).

Дорогие друзья и подруги,

Приветствую вас из кабинета [Tricontinental: Института социальных исследований](#).

Миллионы людей выходят на улицы, от Индии до Чили. Демократия — это то, что даёт им надежду и вместе с тем то, что предаёт их. Они стремятся к духу демократичности, но обнаруживают, что институты демократии, пропитанные деньгами и властью, не являются адекватными. Они выходят на улицы, чтобы требовать больше демократии, более глубокой демократии, другой тип демократии.

Во всех регионах Индии, обычные люди, не связанные ни с какими политическими партиями вместе с индийскими левыми вышли на улицы, чтобы требовать отмены фашистского [закона](#), который отнимет у мусульман статус граждан. Эти огромные [волны поднимаются](#) даже тогда, когда правительство пытается объявить протесты незаконными, и даже когда правительство отключает интернет. К настоящему времени силами полиции уже были убиты двадцать человек. Ничто из этого не останавливает людей, которые громко заявили, что они не согласятся с удушающей политикой

ультраправых. Это продолжает быть непредвиденным и всепоглощающим народным восстанием.

People's Dispatch, борьба за свободу в Индии 2.0, на этот раз против фашизма, 21 декабря 2019.

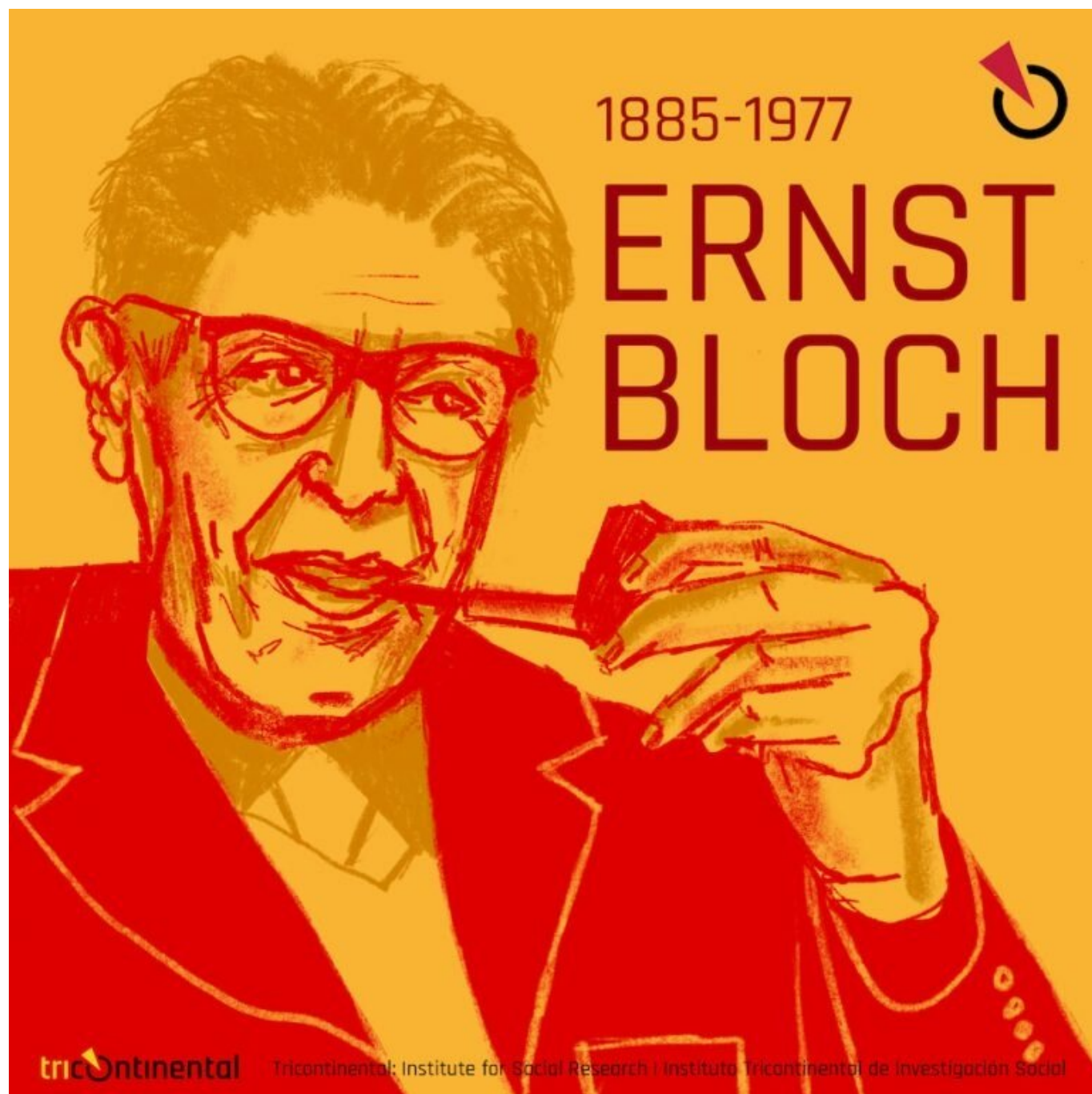
Демократия скована властью капиталистов. Если бы суверенность была всего лишь о числах, тогда рабочие и крестьяне, городская беднота и молодёжь были бы представлены людьми, которые ставят их интересы на первое место, и они смогли бы распоряжаться большей частью плодов своего труда. Демократия обещала, что люди смогут контролировать свою судьбу. Капитализм, с другой стороны, структурирован так, что он даёт капиталистам — владельцам собственности — возможность держать власть над экономикой и обществом. С точки зрения капитализма, полная реализация демократии не допустима. Если бы демократия добилась своего, тогда способы производства богатства были бы демократизированы; это стало бы посягательством на собственность, именно поэтому значение демократии сужается.

Системы либеральной демократии вырастают вокруг Государства, но этим системам не позволено становится *слишком демократичными*. Они должны находиться под присмотром репрессивного аппарата Государства, который утверждает, что сдерживает демократию во имя “закона и порядка” или безопасности. Безопасность или “закон и порядок” становятся барьерами к полной демократии. Вместо того чтобы говорить, что защита собственности является целью Государства, говорят, что целью Государства является поддержание порядка, что означает ассоциация самых широких демократических практик с хулиганством и преступностью. Требовать отмены присвоения социального богатства, что само является кражей — объявляется кражей; это социалистов, а не капиталистов, называют преступниками — не против Собственности, а против Демократии.

Shonali Bose / Шонали Бозе, Нью Дели, декабрь 2019.

Благодаря этим ухищрениям, через финансирование частных СМИ и других институтов, буржуазии удаётся убедительно показать, что это *она* является защитницей демократии; и тем самым она сводит демократию к всего лишь выборам и свободной прессе, которые в одинаковой мере могут быть куплены, как просто еще один вид товаров и услуг, а не демократизацию общества и экономики. Как социальные, так и экономические отношения остаются вне динамики демократии. Профсоюзы — инструмент для демократизации экономических отношений — открыто презираются, а их права ущемляются; социальные и

политические движения дезорганизуются, и появляются NGO (ОО — общественные организации), причем NGOs часто сужают свою повестку дня к небольшим реформам, а не бросают вызов отношениям собственности.

В результате этой стены между выборами и экономикой, между сокращением политики к выборам и препятствованием демократизации экономики, появляется чувство тщетности. Это иллюстрируется кризисом репрезентативной структуры либеральной демократии. Снижение явки избирателей является одним из симптомов, но другие включают циничное использование денег и средств массовой информации для отвлечения внимания от

любой *существенной* дискуссии о реальных проблемах к *вымышленным* проблемам, от поиска общих аспектов социальных дилемм к изобретению ложных проблем общества. Использование спорных социальных проблем позволяет отвлечься от проблем голода и безнадежности. Это то, что Марксистский философ Эрнст Блох называл “обманом успеха”. Плоды социального производства, писал Блох, “пожинаются верхним слоем крупных капиталистов, которые используют готические мечты против реалий пролетариев.” Развлекательная индустрия разлагает пролетарскую культуру кислотой желаний, которые не могут быть удовлетворены в рамках системы капитализма. Но этих желаний достаточно, чтобы отодвинуть в сторону какой-либо проект рабочего класса.

Это в интересах буржуазии уничтожить любой проект рабочего класса и крестьянства. Это может быть сделано с использованием насилия, законодательства и обмана успеха, а именно созданием стремлений внутри капитализма, которые уничтожают политическую платформу для пост-капиталистического общества. Над партиями рабочего класса и крестьянства насмехаются за их неудачу создать утопию внутри рамок капитализма; над ними насмехаются за их проекты, которые считаются нереалистичными. На обман успеха, готические мечты смотрят как на что-то реалистичное, тогда как необходимость социализма изображается как нечто нереалистичное.

Hölle der Vögel / Ад птиц, 1937-38.
 Max Beckmann / Макс Бекманн.

Буржуазный строй, однако, имеет недостаток. Демократия нуждается в массовой поддержке. Почему массы должны поддерживать партии, чья повестка не удовлетворяет насущных потребностей рабочего класса и крестьянства? Это здесь, где культура и идеология играют важную роль. “Обман успеха” является другим способом размышления о гегемонии — рамки того как социальное сознание рабочего класса и крестьянства формируется, не только их собственным опытом, который позволяет им осознать обман, но также идеологией правящего класса которая проникает в их сознание через СМИ, через институты образования и через религиозные формации.

Обман усиливается, когда базовые структуры социального обеспечения, продвинутое народом в повестку правительств, сокращаются. Чтобы как-то смягчить жесткость социального неравенства, которое является результатом частного присвоения социального богатства буржуазией, Государство вынуждено создавать программы социального обеспечения — государственное здравоохранение и образование, как и целевые программы для нуждающихся и работающей бедноты. Если бы эти программы

были бы недоступны люди начали бы умирать — в больших количествах на улицах, что поставило бы под вопрос обман успеха. Но, как результат долгосрочного кризиса прибыльности, эти программы сокращались в течении последних десятилетий. Результатом этого кризиса либеральной демократии вследствие неолиберальной политики жёсткой экономии стала высокая экономическая нестабильность и растущее возмущение системой. Кризис прибыльности становится кризисом политической легитимности.

Bread Line - No One Has Starved / Очередь за хлебом – Никто не голодал, 1932.
Reginald Marsh / Регинальд Марш.

Демократия — это игра чисел. Установление демократических систем вынуждает олигархию считаться с тем фактом, что массы должны участвовать в политической жизни. Массы должны быть политизированы, но, с точки зрения буржуазии, им не должно быть позволено контролировать политическую динамику; они должны быть политизированы и в то же время деполитизированы. Они должны агитироваться в достаточной степени, но не в такой степени, чтобы поставить в опасность мембрану, которая защищает экономику и общество от демократии. Как только эта мембрана пробивается, хрупкость капиталистической легитимности сходит на нет. Демократия не может быть допущена в

арену экономики и общества; она должна оставаться на уровне политики, где она должна быть ограничена избирательным процессом.

Режимы политики жёсткой экономии приносят страдания массам населения. Им нельзя внушить, что они не страдают от сокращений и безработицы. Политика жёсткой экономии срывает пелену иллюзий; обман успеха больше не так правдоподобен, каким он был до сокращения базовых нужд. Буржуазия предпочитает, чтобы люди были сведены к “массам”, а не к “классам”, к расплывчатым группам различных противоречивых интересов, которые могут быть сформированы в соответствии с рамками, созданными буржуазией, а не их собственными классовыми позициями и интересами. В то время как неолибералы видят, что их политический проект исчерпывается, поскольку их собственные мечты о реализации вокруг таких терминов, как “предпринимательство”, становятся кошмарами безработицы и банкротства, крайне правые выходят на передний план.

Крайне правых не интересуют сложности текущего момента. Они рассматривают основные социальные проблемы — безработицу и отсутствие безопасности, — но они не рассматривают контекст этих проблем и не рассматривают внимательно реальные противоречия, которые должны быть задействованы для того, чтобы люди могли их преодолеть. Действительное противоречие заключается между общественным трудом и частным накоплением; кризис безработицы не может быть разрешен без преодоления этого противоречия в интересах социального труда. Поскольку это является чудовищным для буржуазии, она больше не пытается решить это противоречие, но удовлетворяется стратегией “заманить и подменить” — допустимо говорить, например, о безработице, но нет необходимости обвинять в этом частный капитал; вместо этого обвиняйте мигрантов или других козлов отпущения.

Чтобы осуществить схему “заманить и подменить” крайне правые должны идти против другого направления мысли классического либерализма: защиты меньшинств. Все демократические Конституции осознали проблему “тирании большинства”, устанавливая барьеры диктатуре большинства посредством законов и постановлений, защищающих права и культуру меньшинств. Эти законы и регулирования были необходимы для расширения демократии в обществе. Но демократия крайне правых основана не на их защите, а на их разрушении. Они стремятся натравить большинство против меньшинства, чтобы привлечь массы на свою сторону, но не позволить классам внутри их развивать свою собственную политику. У крайне правых нет преданности традициям и правилам либеральной демократии. Они будут использовать институты до тех пор, пока они полезны, отравляя культуру политического либерализма, которая имела серьезные ограничения, но которая, по крайней мере, предоставляла пространство для политической борьбы. Это пространство сейчас сужается, поскольку всё более ожесточенная защита крайне правых становится в порядке вещей.

Силы Быстрого Реагирования, Дели, 19 декабря 2019.

V. Arun Kumar (People's Dispatch) / В. Арун Кумар (People's Dispatch).

Меньшинства лишаются избирательных прав во имя демократии; насилие спускается с цепей во имя чувств большинства. Гражданство сужается вокруг определений большинства; людям говорят, что они должны принять культуру большинства. Именно это правительство BJP сделало в Индии с законом О гражданстве (поправка) от 2019 года. И это то, что люди отвергают.

С помощью обмана диктатуры большинства, крайне правые могут показаться демократичными, когда они действуют, чтобы защитить мембрану между политикой (всего лишь в избирательном смысле) и обществом, а также экономикой. Защита этой мембраны крайне важна, запрещена любая потенциальная экспансия демократии в общество и экономику. Фикция демократии сохраняется, в то время как суть демократии отодвигается в сторону.

Именно эта суть демократии сподвигла людей выйти на улицы в Индии, Чили, Эквадоре, Гаити и в других местах. От всех нас из [Tricontinental: Института социальных исследований](#), увидимся на улицах, и с Новым годом.

С теплотой, Виджай.

